

Корнелия Ичин

ОТЦОВСКОЕ «БРЕМЯ»: ГОЛОС ОТЦА А. ПЛАТОНОВА

любим мы то, что внутри
нас,
не одного человека,
не существо, что грядет,

но бурлящую ртуть
и не конкретно – дитя,
но отцов,
что латентно лежат
в наших глубинах,
словно развалы разрушенных гор,

Р.-М. Рильке, «Дуинские элегии: Третья элегия»

Вопрос отцов и детей в творчестве Платонова занимает центральное место. Этот вопрос, как уже не раз отмечалось исследователями творчества Платонова,¹ связан с идеей патрофикации и супраморализма (нравственного долга живущих сыновей и дочерей по отношению к умершим отцам), которую Николай Федоров в своей *Философии общего дела* сформулировал как главную задачу человечества, соединив ее с идеей космической регуляции природы и идеей бессмертия на пути к победе человека над его единственным врагом – смертью.² Пьеса *Голос отца*, датируемая между 1937 и

¹ См. хотя бы работы: Е. Толстая-Сегал, «Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-х – 30-х гг.», *Slavica Hierosolymitana*, IV, 1979, 223-254; Е. Толстая-Сегал, «Идеологические контексты Платонова», *Russian Literature*, 1981, Vol. IX/III, 231-280 (см. также в: Е. Толстая-Сегал, *Мирнослепонца*, Москва 2002, 324-351, 289-323); А. Taskey, *Platonov and Fyodorov: the influence of Cristian philosophy on a Soviet writer*, Amsterdam 1982; М. Геллер, *Андрей Платонов в поисках счастья*, Париж 1982 (То же, Москва 1999, 28-53, 238-248); В. Вьюгин, «Общее дело А. Платонова: мотив воскрешения в рассказах 30 – 40-х годов», *Russian Literature*, 1999, Vol. XLVI/II, 263-287; С. Семенова, «Философский абрис творчества Платонова», *Русская поэзия и проза 1920 – 1930-х годов. Поэтика. Видение мира. Философия*, Москва 2001, 471-506; В. Вьюгин, *Андрей Платонов: поэтика загадки (очерк становления и эволюции стиля)*, Санкт-Петербург 2004, 392-420.

² Соединение непримиримых начал в учении Федорова, с одной стороны, веры «в безграничную силу науки и знания, в чудеса техники, управляющей слепыми силами природы», с другой же, – веры «в Христа воскресшего, в святую Троицу как образец

военными годами,³ по-своему затрагивает проблематику отцовства (включая также «отца народов» Сталина), что привело к ее противоположным истолкованиям. Так, например, Э. Найман в *Голосе отца* усмотрел отказ Платонова от федоровского утопического проекта и принятие писателем сталинской утопии,⁴ тогда как Х. Гюнтер и А. Харитонов, наоборот, высказали мнение, что мысль об отцах остается основной на протяжении всего творчества Платонова, включая пьесу *Голос отца*.⁵

Федоровские темы, настроения и стремления звучат с самого начала этой одноактной пьесы: кладбище; могила отца Александра Спиридоновича Титова; разговор сына Якова с умершим отцом о главном – о жизни и смерти, о памяти и забвении, о природе и технике, об измене и идеале; защита кладбища от разрушения.⁶

родственной общественности», было отмечено Бердяевым уже в 1915 году (Н. Бердяев, «Религия воскрешения («Философия общего дела» Н.Ф. Федорова)», *Русская мысль*, 1915, № 7, 81; см. также Н. Бердяев, *Типы религиозной мысли в России*, Париж 1989, 251). Тем не менее именно это совмещение несовместимого, а на самом деле органическое соединение науки и религии делало федоровские идеи привлекательными на протяжении всего XX века (начиная с поэзии Маяковского и Хлебникова вплоть до режиссерских опытов Тарковского и Лопушанского).

³ Н. Корниенко датирует пьесу 1936, Э. Найман 1939, А. Харитонов концом 1937 – началом 1938, тогда как З. Войтинская относит пьесу к военным годам (см. об этом более подробно в: А. Харитонов, «Пьеса А.П. Платонова «Голос отца» («Молчание»). История текста – история замысла», *Из творческого наследия русских писателей XX века*. М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов, Санкт-Петербург 1995, 393-398). – У самого Платонова упоминание о пьесе встречаем в записной книжке за 1939 год: «Пьеса об отце и сыне» (А. Платонов, *Записные книжки. Материалы к биографии*, Москва 2006, 212).

⁴ Э. Найман считает, что «пьеса служит знаком того, что воскресение умерших родителей уже не нужно», что «биологические отцы могут спокойно остаться в могиле, потому что у Якова и других советских сыновей теперь есть общий, более важный отец», т.е. задача воскрешения предков отменяется «утверждением покорности подданного живому Вождю» (Э. Найман, «„Из истины не существует выхода“: Андрей Платонов между двух утопий», *Новое литературное обозрение*, 9, 1994, 248, 250).

⁵ Х. Гюнтер отмечает, что «именно оппозиция Отец – Сын сохраняет свое заявленное еще в «Чевенгуре» утопически-критическое измерение памяти», однако акцент в творчестве Платонова «смещается с революционно-утопической критики безотцовщины и ложного братства к критике мифа «Большого Отца» в 30-х годах» (Х. Гюнтер, *От «безотцовщины» к «отцу народов», Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век*, Воронеж 2001, 58, 59). А. Харитонов, в свою очередь, утверждает, что Платонову удастся «вести полемику на «закрытую» тему», критикуя официальную идеологию через «травестирование ее внешне принимаемых постулатов»; в кратком молчании, последовавшем за словами сына о спасительной роли учения Сталина, автор текста обнаруживает «обет безмолвия в час, когда невозможно исповедать истину и окрест славословят ложь» и приходит к выводу, что Поатовно «ставит идеологию «отца народов» как веру рядом с другой верой – в Отца Небесного – и предоставляет читателю (и Якову) судить о них на основе сказанного» (А. Харитонов, *Указ. соч.*, 401).

⁶ Вряд ли можно согласиться с В. Вьюгиным, что «федоровский контекст» выступает в качестве «фона для полемических заявлений, направленных против главной цели

И в данной пьесе, как и в более ранних произведениях, Платонов развивает мотивы сиротства и стремления детей к умершим родителям (Саша Дванов в *Чевенгуре*, Настя в *Котловане*). Посещение отцовской могилы сыном Яковом и его готовность умереть («Что тут страшного – умереть? Посмотри – сколько лежит вас, мертвых, здесь! Вы ведь все вытерпели смерть») ⁷ напоминают посещение Сашей Двановым могилы отца-рыбака в *Чевенгуре* и его обещание: «Папа, меня прогнали побираться, я теперь скоро умру к тебе – тебе там ведь скучно одному, и мне скучно». ⁸ Однако, в отличие от Саши, который в конце романа уходит к отцу в озеро Мутево «в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец» и «в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле» (ибо Александр был «одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца»), ⁹ подтверждая этим преемственную связь с отцом, Яков предпочитает жить ради всех мертвых, но жизнь в советской реальности 30-х приводит к его отказу от «слабого тепла», которым отец хотел остаться в сыне, чтобы оберегать его от бедствий жизни (211). ¹⁰ Противоположная развязка в сюжете двух героев, опирающихся на федоровский проект сохранения кладбищ-музеев памяти, восстановления родственных связей между людьми и воскрешения отцов общими знаниями и трудом, говорит о переосмыслении федоровского учения Платоновым в исторических условиях второй половины 30-х годов.

Тем не менее, федоровская тема в *Голосе отца*, как и во многих других сочинениях Платонова, остается ведущей; уже сам факт кладбища, как места действия пьесы, в данном контексте представляется весьма знаменательным. Для понимания роли кладбищенского пространства в пьесе необходимо вспомнить отношение Федорова к кладбищу. По его мнению, кладбища должны стать музеями, поскольку только они являются памятниками для всех без исключения и только кладбищенские храмы «суть истинные храмы», ¹¹ они являются истинными местами «для молитвы, так как сама

Проекта», которыми утверждается, что жизнь после смерти «всего лишь жизнь в памяти потомков» (В. Вьюгин, *Андрей Платонов: поэтика загадки*, 413).

⁷ А. Платонов, «Голос отца», *Ноев ковчег. Драматургия*, Москва 2006, 214. – Далее все цитаты из *Голоса отца* приводятся по этому изданию с указанием лишь страницы в тексте.

⁸ А. Платонов, «Чевенгур», *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Москва 1998, 20.

⁹ Там же, 306.

¹⁰ Понятие о «тепле» в творчестве Платонова К. Баршт связывает с штайнеровским понятием о тепле как жизненной силе и энергии мироздания, которое несут люди и которое «приобретает черты метафизической энергии бытийности (эктропии), творчески преобразующей пространство и наполняющей смыслом время». Тепло «можно и нужно отдавать и можно и необходимо получать извне» (К. Баршт, *Поэтика прозы Андрея Платонова*, Санкт-Петербург 2000, 57, 58 и сл.).

¹¹ Н. Федоров, «В чем состоит наша „Мессиада“?», *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 2, Москва 1995, 59. – Далее цитаты из Федорова даются по этому изданию

религия есть совокупная молитва всех живущих о всех умерших» (т. 3, 472); эта молитва должна перейти в воскрешение отцов, которое есть «проявление молитвы в труде» (т. 3, 406). В этом смысле он ссылается на древних, у которых чувство отчизны, любви к «родной земле, хранительнице праха предков», а также сохранение могил и почитание умерших, были решающими в полноправности гражданства, вследствие чего «античный мир сознательно жил на могилах предков», т.е. первоначальные кладбища (Акрополь, Каритолий) «были центром и святынею города-государства» (т. 2, 67); к тому же, наблюдение Федорова о том, что по представлениям древних умершие больше всего желали «возвращения на землю», завидовали «даже бедствующим на земле» (т. 2, 67), по сути взаимосвязывало античный мир с христианским в деле всеобщего воскрешения отцов. Оттуда и повышенный интерес Федорова к культу мертвых у древних египтян, которому он посвящает текст *Искусство, его смысл и значение*; в религиозных чувствах египтян он подчеркивает близкую его супраморализму «связь, соединяющую все поколения человеческого рода», «сознание единства», которое было «не мыслью только, но и чувством, определявшим строй жизни, ее задачу» (т. 2, 226, 227). Задача эта состояла в заботе живых родственников о мертвых, и не только чтобы наследники перенесли покойника в дом вечности со всеми почестями, но и «помнили о нем всегда, из поколения в поколение»; поэтому в заупокойных текстах вся надежда на сына, который «не даст умереть имени своего отца даже отцов его отца».¹² Иными словами, старший сын должен похоронить отца, ему принадлежит обязанность возобновить припасы в гробнице, а также принять участие в обряде отверзания уст (возвращающим усопшему его душу-Ба и Ах, которые вместе с Ка и Эб обеспечивали воскресение умершего), ибо он теперь «занимает должность, которую исполнял отец», что, по сути, являлось наивысшим желанием, которым дорожили египтяне.¹³

Платонов, по-видимому учитывая не только учение Федорова, но и религиозные верования древних, в разговоре Якова с умершим отцом на кладбище передает их настроения и надежды на сохранение любви к

(т. 1, Москва 1995; т. 2, Москва 1995; т. 3, Москва 1997; т. 4, Москва 1999; Дополнения. Комментарии к 4-му тому, Москва 2000) с указанием лишь тома и страницы в тексте.

¹² П. Монтэ, *Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов*, Москва 1989, 313. – В одном из заупокойных текстов читаем: «Я передал мои должности сыну, когда был еще жив. [...] Мой сын даст жизнь моему сердцу на этой стеле. Он сотворил для меня наследника в качестве доброго сына». Аналогично Хариджефай, правитель Смута, назначил своего сына заупокойным жрецом, который все, что он получит как жрец Ка, может передать лишь сыну, которого «назначит на свое место, чтобы он продолжал заботиться о гробнице своего деда и лично участвовал во всех церемониях, совершаемых в его честь» (Там же).

¹³ G. Posener, *Dictionnaire de la civilisation égyptienne*, Paris 1959, 110, 76, 57.

усопшим и памяти о них. Об этом говорит уже открывающая пьесу реплика Якова «Зачем ты лежишь здесь один в могиле? Все равно ведь я люблю тебя!» и последовавший после краткого молчания ответ отца, объясняющий почему «в могиле никого нет»: «Я в твоём сердце и в твоём воспоминании, – больше меня нигде нет. И ты – моя жизнь и надежда, а без тебя я ничтожней того праха, который лежит под этим могильным камнем, без тебя я мертв навсегда и не помню, что был живым» (210, 211). Правда, реплика Якова звучит как воззвание к умершему отцу встать и выйти из могилы (воскреснуть), чем и отсылает к новозаветной притче о воскрешении Лазаря;¹⁴ с другой стороны, слова отца, что могила «пуста», намекают на пустой гроб воскресшего Христа, вслед за которым Федоров призывал человечество выйти в иное, космическое пространство, и освободиться от природной необходимости (смерти). Этим иным, космическим пространством Платонову (в конце 30-х) представлялось сердце сына Якова, хранилище памяти живого о мертвом, что, опять-таки, возвращает нас к древнеегипетскому погребальному культу, в котором сердце¹⁵ играет решающую роль в воскресении, втором рождении умершего: сердце (Эб – душа-сердце), которое египетские посвященные считали средоточием человеческого сознания, взвешивалось на Загробном Суде и определяло участь умершего.¹⁶ Добавим к сказанному и то, что сердце (душа-сердце) удовлетворялось благочестивой памятью родственников, их заботой об умершем, отсутствием злого умысла; поэтому в пьесе Платонова отец сообщает Якову, часто забывающему его (отчего сердце сына также становится пустым,¹⁷ уподобляясь тем самым пустой могиле), что он тогда живет в его забвении и ожидает его воспоминания о нем, то есть воскресения в его памяти (211).

Долг живых перед умершими, долг памяти живых об умерших, объединение живых и мертвых, является одной из важнейших тем мировой литературы. В данном контексте весьма примечательным кажется память

¹⁴ В Евангелии от Иоанна сказано, что «Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря», что «сам воскорбел духом», спросил «где вы положили его?» (подчеркнуто мной – К.И.), подошел к гробу и взозвал громким голосом «Лазарь! иди вон» (гл. 11).

¹⁵ Процесс бальзамирования усопшего подразумевал очищение всей брюшной и грудной полости, кроме сердца, в которое нередко клали искусственное сердце в виде скарабея с вычертанными на нем заклинаниями, побуждающими Эб – душу-сердце не свидетельствовать против усопшего на Загробном Суде.

¹⁶ Вернее, определяло участь трех оболочек умершего: первой оболочки – Сах (вещественное тело, видимая часть человеческого существа), второй оболочки – Ка (жизненная энергия человека, эфирное тело, энергетический двойник человека, душа-двойник), третьей оболочки – Ба (сущность человека, жизненная сила, душа-проявление, оболочка полдсознания).

¹⁷ Ср. в Евангелии о Матфея о суде, который настигнет того, кто брату скажет «рака» (пустой человек), ибо это грех, нелюбовь и неправедность: «Кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону» (гл. 5, 22).

немецкого фольклорного персонажа Тиля Уленшпигеля о сожженном отце в литературной обработке Шарля де Костера; в романе де Костера Тиль Уленшпигель достает пепел съеденного пламенем сердца отца Клааса, который вечно носит на шее в мешочке и который отзывается у Тиля вечно живой памятью в лейтмотивных восклицаниях героя: «Пепел Клааса бьется о мою грудь!», «Пепел Клааса бьется о мое сердце!»,¹⁸ сопровождающих возмездия Уленшпигеля над душегубами и палачами отца. Соответствующим образом откликается и тень отца Гамлета в сыне, требующая мести за содеянное гнусное убийство и сохранения памяти о себе убитом («Прощай, прощай! И помни обо мне»): «Помнить о тебе? Да, бедный дух, пока гнездится память В несчастном этом шаре. О тебе? Ах, я с таблицы памяти своей Все суетные записи сотру, Все книжные слова, все отпечатки, Что молодость и опыт сберегли; И в книге мозга моего пребудет Лишь твой завет, не смешанный ни с чем, Что низменнее; да, клянуся небом!»¹⁹ Платонов в данном отношении прибегает к иному решению: в клятву Якова, должную заверить отца в том, что он не изменит ему и сохранит память о нем во что бы то ни стало, вводится образ Сталина: «Если даже мне придется бороться со всем миром, – если люди устанут, озвереют, одичают и в злобе вопьются друг в друга, если они позабудут свой смысл жизни, – я один встану против них всех, я один буду защищать тебя, Сталина и самого себя!» (213-214). Готовность Якова отстоять и защитить умершего отца вопреки всему миру, умереть за умершего отца, сближает его, на первый взгляд парадоксально, с образом Антигоны, послушавшейся о приказ Креонта и похоронившей брата Полиника «своей рукою»;²⁰ чувство долга перед мертвыми, которое правит Антигоной («Не уличат меня в измене долгу»), делает прекрасной «в этом деле и смерть», ибо героиня осознает бремя долга: «Дороже мне подземным угодить, Чем здешним: не под властью ли подземных Всю вечность мне придется провести?»²¹ Право почитать брата и отца могилой, отстаивается, соответственно, и Антигоной и Яковым, с той, однако, разницей, что трагическое мироощущение Антигоны и ее гибель в ситуации Якова приобретают абсурдистские оттенки советского быта.²²

¹⁸ Начиная с главы 84 первой части Легенды эти слова звучат устами Уленшпигеля (Ш. де Костер, *Легенда о Тиле Уленшпигеле*, Москва 1983).

¹⁹ В. Шекспир, «Гамлет, принц датский», *Комедии. Хроники. Трагедии*, Москва 1988, 163.

²⁰ См. более подробно об этом мотиве в статье: N. Loraux, «La main d'Antigone», *Antigone*, Paris 1997, 105-143. – О сопротивлении Антигоны см.: *Antigone et la résistance civile*, Bruxelles 2004.

²¹ Софокл, «Антигона», *Драмы*, Москва 1990, 125, 126.

²² Якову приходится бороться за могилу отца с бывшим служащим стройразбортреста, неожиданно явившимся вечером на пустом кладбище, который по поручению общест-венности, состоящих из двоих (из которых служащий «самый первый»), т.е. по

Настаивание отца на том, чтобы сын не изменил ему, а также клятва Якова, данная отцу, заслуживают более подробного рассмотрения. Помимо явно федоровского контекста, в платоновской пьесе подспудно обнаруживаются атмосфера и настроения 30-х годов, поощрявшие на фоне арестов и ссылок (особенно в 1937, в пик террора) предательство и доносы не только граждан, но и сыновей, в частности «сыновей врагов народа». Знаковым в данном отношении представляется случай четырнадцатилетнего Павлика Морозова, донесшего в 1932 году на отца, которого советская власть за этот «подвиг» провозгласила героем и образцовым пионером. Культ Павлика Морозова создавался с конца 1932 года, его имя звучало в газетах и с трибун съездов,²³ сам Горький в приветствии *Вперед и выше, комсомолец!* 1933 года, ставил в пример «подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, – родной по крови, вполне может быть врагом по духу, и что такого человека – нельзя щадить»,²⁴ чем, на самом деле, первый пролетарский писатель и родоначальник социалистического реализма объявил идеалом Страны Советов – доносчика, предателя отца. Поэтому неудивительно, что имя Морозова прозвучало и на открытии Первого съезда советских писателей в 1934 году, когда пионеры «Базы курносых» в своем приветствии писателям потребовали от них книг о Павлике Морозове, а также памятника пионеру: «Жизнь у нас такая яркая, интересная, ни в одной стране ребята так не живут, как мы, никогда во всем мире так не заботятся о нас, как в Стране советов. Поэтому и ребята растут совсем другие. Вот хотя бы Павлик Морозов, который с кулаками боролся и которого они убили. Алексей Максимович совершенно

собственной инициативе подкапывает могильные плиты, чтобы превратить «камень и железо в утиль», сами могилы – «в ничто», и создать парк культуры, в котором будут «карусели, фруктовая вода» и «девки придут», где съедобные продукты сменяют могильные плиты (будут «квас по кружке отпускать», и будет «мороженое, компот в чашках», и «харчи, напитки, вафли, изюм, простокваша, блины» – 214, 215), в уже известной взаимозаменяемости составляющих державинской оппозиции «Где стол был яств, там гроб стоит; Где пиршество раздавались лики, Надгробные там воют клики» в элегии На смерть князя Мещерского.

²³ Ю. Дружников в своей книге приводит прозвучавшие в 1932 на пленуме ЦК комсомола слова В. Архипова: «Павлик должен быть ярким примером для всех детей Советского Союза», опубликованные в «Пионерской правде»; он также указывает на развернутую комсомолом пропаганду Морозова с целью воспитания «преданности так называемого третьего поколения партийному руководству» – декабрьский бюллетень ТАСС с приказом обеспечить сценарии, пьесы, книги и плакаты о пионере-герое Морозове; «Пионерская правда» в течение всего 1933 года с сообщениями о том, сколько денег собрано на самолет «Павлик Морозов» (Ю. Дружников, *Вознесение Павлика Морозова*, London 1988, 139, 140).

²⁴ М. Горький, «Вперед и выше, комсомолец!», *Правда*, 29 октября 1933, № 299. – Приветствие одновременно напечатано в *Комсомольской правде* и в *Известиях ЦИК СССР и ВЦИК*. См. также в: М. Горький, *Полное собрание сочинений в 30-и томах*, т. 27, Москва 1953, 115.

правильно сказал, что Павлику Морозову памятник нужно поставить. [...] Где еще в мире вы найдете, чтобы страна ставила памятники ребятам? [...] А наш памятник будет звать всех нас, ребят, к героизму».²⁵ Морозов стал эталоном советской эпохи, положительным героем, который соответствовал требованиям партии в деле построения социализма, образцом поведения для всех будущих поколений советских пионеров; о нем в 30-е годы в ключе поэтики социалистического реализма пишут стихи и книги (С. Михалков, П. Соломеин, А. Яковлев и др.), о нем Эйзенштейн с 1933-1937 создает *Бежин луг* по сценарию Бабеля.

В такой культурной обстановке Платонов берется за пьесу *Голос отца*,²⁶ отстаивая ею право сыновей на верность отцам и сохранение памяти о них. Одновременно он проводит испытание традиционной системы ценностей в духе Федорова советской моделью мира. Носителем позиции почитания предков является Яков, имя которого на древнееврейском означает человека, который следует за кем-либо;²⁷ предопределенность именем подтверждается в пьесе поисками отца персонажем, его желанием быть достойным наследником отца и обещанием стать идеалом отца. По справедливому замечанию А. Харитонов, не только имя героя обязано ветхозаветному праведнику, но и сам текст пьесы изобилует библейскими реминисценциями; однако помимо отмеченных исследователем реминисценций вроде поколений предков, которые живут в памяти и платоновского и библейского Якова (Иакова),²⁸ хотелось бы отметить также скрытые отсылки

²⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет, Москва 1990, 38.

²⁶ В ремарках к пьесе Платонов дает указания, которые, по-видимому, должны снять подозрения цензуры в мистицизме автора, а также соответствовать курсу установившегося в советской литературе соцреализма-совершенного реализма: «Играть на сцене «Голос отца» другому актеру не следует, потому что это будет грубой художественной ошибкой, которая придаст сцене мистический оттенок, тогда как эта сцена должна быть совершенно реалистической», однако тут же добавляет: «Впрочем, может быть, «Голос отца» как раз следует играть другому актеру» (210), подводя таким образом под сомнение и реальность и реализм.

²⁷ Свое имя ветхозаветный Иаков получил, потому что родился вслед за братом Исавом, держась за его пятку; имя его Исав толкует хитростью брата, которой он добивается сначала первородства у брата, а потом и благословения у отца Исаака: «Не потому ли дано ему имя Иаков, что он задул меня уже два раза? он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое» (Бытие, гл. 25, 26; гл. 27, 36). Однако библейскому Иакову Бог покровительствует, не покидает его, сохраняет в нем преемственность родства Авраам – Исаак – Иаков (Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова), наделяя его впоследствии именем Израиль. – Небезынтересным кажется и тот факт, что имя и фамилия платоновского персонажа совпадают с именем участкового инспектора милиции Якова Титова, проводившего следственное дело в случае Павла Морозова, о чем Платонов, возможно, знал по книге *В кулацком гнезде* Соломеина 1933 года. – Э. Найман имя героя связывает с именем старшего сына Сталина, толкуя это платоновским «обетом верности новому порядку» (Э. Найман, Указ. соч., 250).

²⁸ См. об этом в: А. Харитонов, Указ. соч., 399-400.

к Библии: голос отца и его желание сберечь сына «от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели» (211) напоминают голос Господа, который явился Иакову во сне и дал обещание сохранить его везде, куда бы ни пошел, и не оставить его, доколе не исполнит, что сказал, почему тот и поставил камень памятником, который впоследствии станет домом Божиим (Бытие, гл. 28, 15); сцена схватки Якова с служащим стройразбортреста в защиту отцовской могилы, как испытание памяти об отце и верности отцу, отдаленно ассоциируется с испытанием Иакова – борьбой его с Богом (Бытие, гл. 32, 24-30).

Разговор Якова с отцом, инженером и «великим тружеником для облегчения участи людей» (210), представляет собой переоценку главных постулатов учения Федорова на примере его старших и младших последователей. Так, голос умершего отца, нуждающийся в сыне, без которого «мертв навсегда» и не помнит, что был живым, по сути, сообщает, что еще не наступил конец сиротству, поскольку в могиле – «земля, и что в нее входит – тоже становится землей» (210-211). В этих словах прочитываются мысли Федорова об энтропии и необходимости регуляции природы. Идея регуляции природы мыслилась Федорову новым сознательным этапом развития мира и всего космоса, осуществляемым внесением в природу разума и воли, ее одухотворением. Федоров верил в одухотворенные и целенаправленные научные знания, в которых примут участие все на благо всего человечества, главное назначение которого виделось ему в том, чтобы спасти вселенную от энтропии, хаоса и разрушения. Поэтому и освоение космического пространства неотделимо от главной задачи – воскрешения или психо-физиологического восстановления отцов, от высшей нравственности – супраморализма, то есть долга живущих воскресить умерших, которым мы обязаны жизнью. Если в федоровском понимании преодоление смерти – это закономерный виток эволюции, для исторического сознания возвращение (восстановление) к жизни преобразованных отцов является обратимостью времени. Иными словами, пока земля, «тьмы поколений поглотившая», остается кладбищем, пока не станет сыновней любовью и знанием движимая возвращать поглощенных, и пока сыны не перестанут прах предков в земле «обращать в пищу себе и потомкам», а, наоборот, начнут оживлять его знанием и общим трудом, ибо предки отдали, вверили нам свою жизнь, – до тех пор не будет всеобщего родства и истинной жизни (т. 2, 202). В этом ключе в пьесе Платонова следует понимать слова отца, обращенные к сыну с надеждой: «Посмотри вокруг себя. Здесь одни могилы. И в них люди. Все они [...] умерли, не узнав истинной жизни»; все они хотели создать мир «благородного человечества», верили в «прекрасную душу человека», в «лучшего человека» – «будущего человека», ради которого работали, страдали, выносили все муки, и теперь «эту

надежду» передают «своим детям», потому что больше некому ее передать (212). Оттуда и требование от потомков – не изменить умершим отцам: «А если и вы нам измените, тогда сравняйте наши могилы» (212).

Установка Платонова на трудовое начало в отце Якова, на его «техническое» преобразование природы (труженик, чья «работа по экономии топлива в машинах сберегла миллионы тонн мазута», утверждающий, что свойства природы нетрудно использовать «на добро для человека» – 212) должна нас заверить в его причастности федоровскому замыслу работой и сознанием «даровое» заменить «трудовым», ибо когда говорится о внесении разума в неразумную природу, Федоров требует, чтобы человек был «работником», а «не рабом и не господином», он – «управляющий, приказчик, воссозидатель, а не Творец и не Создатель, не повелитель или Вседержитель» (т. 2, 283). Федоровская концепция «общего дела» поддерживается также усиленным «мы» в репликах отца, которые трудились на благо будущих поколений («Мы спешили работать, мы воевали, мучились и болели, мы устали и умерли»; «мы сделали кое-что в жизни: мало, но сделали» – 212).

Оказывается, прижизненные взгляды отца в целом, с их устремленностью к будущему и утопическим идеализмом, соответствуют пролеткультовским воззрениям Платонова 20-х годов, опиравшимся на федоровскую регуляцию природы; наоборот, посмертная жизнь отца неразрывно связана с идеей патрофикации и супраморализма, которая в конце 30-х и подлежит переоценке. Показательны в данном отношении позиции отца и сына. Для отца преемственность Якова родовому началу, олицетворенному в отце и отце отца, представляется единственно верным путем сына: «Мой отец родил меня и велел быть только добрым и терпеливым. А я хотел, чтобы ты стал знающим и смелым. Но ты должен теперь стать мудрым и счастливым. Ты должен быть моим идеалом!» (213). Однако Яков разрывает родовую связь введением имени Сталина в триаду Яков – отец – Сталин, оповещая отца об учении Сталина, ученика Маркса и Ленина. Этим он, с одной стороны, субституирует отца отцов – учителем, сыновнее чувство долга – ученическим, с другой же стороны, родовую триаду сын – отец – отец отца, восходящую к ветхозаветным Аврааму – Исааку – Иакову (над которыми Бог отцов живых),²⁹ меняет на советскую триаду 30-х Маркса – Ленина – Сталина, олицетворяющих преемственность ученик – учитель – учитель учителя. Отмена родового начала в триаде Яков – отец – Сталин «оправдывается» введением «отца народов», претендующего на роль единственного отца (сверхотца, Бога отцов мертвых) в стране сове-

²⁹ Ср. у Федорова в тексте Горизонтальное положение и вертикальное, – смерть и жизнь: «„Во имя отца“ держались все сыны в общем духе. Не держится ли и теперь еврейское общество верою в Бога Авраама, Исаака и Иакова?» (т. 2, 255).

тов, в которой во время написания пьесы воцарились всеобщее сиротство и безотцовщина. Поэтому слова Якова, передающие учение Сталина («Сталин учит всех людей быть верными детьми своих отцов, он велит никогда не изменять тому, что было в отцах высшим и человеческим, он хочет сделать героическую душу человека законом всей земли» – 213), якобы соответствующее федоровским позициям отца, на самом деле подспудно, в глаголе прошедшего времени «было», раскрывают безотцовщину эпохи. К тому же, идеал «героической души» в сталинском учении противопоставляется отцовской вере в «прекрасную душу человека»; в плане Сталина сделать героическую душу человека законом всей земли прочитывается намерение возвести ударнический принцип, стахановское движение, героев и героинь труда в закон для всех.³⁰ Добавим к сказанному и то, что идеал «высшего прекрасного человека», тайну которого не могло постичь поколение отцов, достигнуто в Советском Союзе, где «самая лучшая техника – это высший человек», который раздавит всех врагов людей (213). Идеал высшего человека, очевидно, следует связать с образом Сталина, особенно на фоне уничтожения врагов людей, в сущности, завуалированных врагов народа. Нет сомнения, клятва Якова, данная отцу и Сталину, свидетельствует о столкновении в герое двух противоположных учений и начал, об испытании родства и долга живых к умершим, которое усугубляется появлением служащего стройразбортреста. Однако обещание Якова «Я буду жить один – ради всех вас, мертвых» (216), которое сопровождает молчание отца, звучит по-федоровски: «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сынов) для воскресения умерших (отцов)» (т. 1, 110). И тем не менее, разрыв родовой преемственности, наметивший

³⁰ В своей Речи на первом Всесоюзном совещании стахановцев, состоявшемся 17 ноября 1935 года, возникновение героев и героинь труда Сталин связывал с улучшением уровня жизни рабочих, воплощенным в крылатой фразе «жить стало лучше, жить стало веселей», а также с новой техникой и новыми людьми, которые возглавили эту технику; утановив причины возникновения стахановского движения, Сталин пришел к выводу о необходимости «развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР», «распространить всю стахановское движение по всему лицу нашей страны» (В. Сталин, *Сочинения*, т. 14, Москва 1949). – Начиная с 1935 года установка на героев, ударников и стахановцев особенно заметна в общественной жизни Сталина, о чем свидетельствуют его речи и выступления (ср.: Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников – 19 февраля 1933; Из речи в комиссии 2-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников – 15 февраля 1935; Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана – 1 декабря 1935; Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнеров – 1 декабря 1935; Речь на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей – 10 ноября 1935; Приветственное выступление на приеме героев Советского Союза товарищей Чкалова, Байдукова, Белякова – 14 августа 1936; Речь на приеме руководящих работников и стахановцев – 29 октября 1937).

дальнейшее развитие сюжета в духе измены и предательства, оставил отпечаток на диалоге отца и сына, из которого навсегда исчезает тема воскрешения предков, хотя надежда отца на верность сына сохраняется: «Уходи с моей могилы и живи, я буду теперь навегда мертвым спокойным. Ты не изменишь мне никогда, и в этом будет моя вечная жизнь»; «Спи, отец, вечно в земле. Прощай» (214).³¹

Появление служащего стройразбортреста представляет собой перипетию в сюжете пьесы. Он, безымянный и беспамятный, олицетворяющий прогресс и утилитаризм, изменивший отцам, является антиподом Якову.³² Конфликт Якова с служащим и его борьба за могилу отца суть противостояние памяти – беспамятству, прошлого – прогрессу, идеализма – утилитаризму, аскетизма – гедонизму, бескорыстности – корыстолюбию, духовного – плотскому. Замысел служащего «могилы сровнять в ничто» (превратить в реальность опасения отца Якова) и на месте кладбища создать парк культуры, искусства и отдыха, в котором будут веселиться, выпивать, прикусывать и в трубу «на звезды смотреть: где, что и как там, отчего все произошло и куда потом денется» (214, 215),³³ соответствует федоровскому восприятию новой истории (прогресса), которая начинается «депатриацией, т.е. отчуждением от отцов, и кончается контр-патриацией, т.е. восстанием сынов против отцов, что заключается в сущности прогресса» (т. 3, 467). К тому же, прогресс для Федорова не что иное, как «производство мертвых вещей, сопровождаемое вытеснением живых людей»; противоположность прогрессу – музей, как «собираение под видом старых вещей (ветоши) душ отошедших, умерших», музей как последний остаток культа предков, выше которого только «самых прах, самые останки умерших», только «могила» (т. 2, 371). Поэтому для Федорова высший императив заключается в защите могил отцов, в защите «отечества, земли как праха отцов» (т. 2, 288), и эту точку зрения в платоновской пьесе разделяет Яков. Обращенность взгляда служащего к звездам в поисках ответа на вопросы бытия глубоко чуждо философскому учению Федорова; этому прогрессистскому принципу Федоров противопоставляет сыновнее чувство в чело-

³¹ Новое обращение сына к отцу (после схватки с служащим) остается без ответа; попросившись с сыном, голос отца замолкает навсегда. Отец вечно спит в земле. Инициация Якова жизнью уже состоялась – в конфликте с служащим. Новая инициация ждет его. Ниспосланный отцом народов представитель власти милиционер посвящает Якова в товарищи, делает его сыном советской эпохи.

³² Об этом см. более подробно в: А. Харитонов, Указ. соч., 398-399.

³³ В мотиве «трубы», которую посетители парка в поисках ответа о собственном бытии направят к звездам, пародийным образом передаются как «космическое» учение Федорова, так и извечные философские вопросы (Кто мы? Откуда пришли? Куда направляемся?). Одновременно, своим рассказом о «трубе» служащий противопоставляет свой взгляд (вверх, к звездам) взгляду Якова (вниз, к могиле) в разрешении загадки человеческого бытия.

веке, «искание отцов», которое сравнивает с исканием причины для учебного (т. 2, 387).

Развязка пьесы, которую ознаменовал приход милиционера, разрешает конфликт двух начал, воплощенных в Якове и служащем стройразбортреста. Поддержка представителя власти устремлениям Якова во что бы то ни стало сохранить могилу отца должна нас заверить в правдивости слов Якова о Сталине, учащем всех людей «быть верными детьми своих отцов». В этом смысле назидательно звучат слова милиционера служащему о немедленном восстановлении могил: «Завтра вы посадите живые цветы на этих могилах своими силами и за свой счет. А сейчас – подымите все памятники, которые вы повалили, и оправьте могилы, которые вы топтали» (218).³⁴ Однако с точки зрения федоровского учения дело обстоит намного сложнее. В статье *Музей, его значение и смысл* Федоров определяет город совокупностью «небратских состояний, удерживаемых небратскими узами», иными словами, число и дифференциация небратских и противобратских отношений постоянно увеличивается, и интеграция этих состояний осуществляется усилением надзора, то есть полицией (т. 2, 388). Поэтому Федоров приходит к выводу, что «город есть гражданско-полицейский организм, а не союз лиц, понимаемых, как братья»; преодоление этого состояния видится ему в изменении «мыслящего города в активное село», которое переведет «от юридико-экономического городского раздора к сельскому, нравственно-родственному согласию» (т. 2, 388, 397). Платонов в финале *Голоса отца* показывает как раз городской гражданско-полицейский организм, построенный на небратских, то есть товарищеских отношениях, и, вместе с тем, на разрыве с родовым, отцовским началом. Нуждаясь в «союзе» с милиционером в деле защиты отцовской могилы Яков, по сути, отказывается от своего отца в пользу отца народов, то есть сыновнее чувство долга воскрешения умерших отцов меняет на ученическое преклонение перед учителем и его учением. Таким образом опасения умершего отца о возможной («самой страшной» для него – 211) измене сына (сынов) реализовались сначала в «безотцовщине» служащего, разру-

³⁴ Весьма любопытным представляется отношение служащего стройразбортреста и Якова к представителю официальной идеологии. Поведение и того и другого меняется, что позволяет провести параллель как с гоголевскими персонажами и ситуациями, так и с героями пьес Булгакова и Эрдмана, однако эта проблематика остается за рамками данной работы. Отметим только снисходительное и льстивое поведение служащего («Я вижу по вашим способностям, что вы не простой милиционер»; «Сейчас же все будет сделано в самые сокращенные сроки»), сопровождаемое официальной формой обращения и к милиционеру («товарищ начальник», «товарищ милиционер»), и к Якову («товарищ родственник покойного»), а также доносительское поведение Якова в финале пьесы, который под покровительством представителя власти с легкостью распоряжается чужой жизнью: «Отправьте его куда-нибудь на пустошь навсегда»; «Ну, в тюрьму!» (217, 218).

шающего могилы и собирающего кладбищенский «инвентарь», а потом уж и в отступничестве Якова от заветов предков. Не случайно заключительные слова в пьесе произносит милиционер; именно ему дано провозгласить Якова сыном новой эпохи, «товарищем» из триады граждан – человек – товарищ.

Отказ от федоровского проекта воскрешения отцов, нравственного долга живых к умершим в *Голосе отца*, несомненно, свидетельствовал о крушении утопии, которая в 30-е годы была заменена утопией сотворения культа личности отца народов.³⁵ Об этом говорит и подмена родового отца – отцом народов, спровоцировавшая в сюжете пьесы ряд других подмен: сыновнее чувство подменяется ученическим чувством, братские отношения – товарищескими, кладбищенское пространство – пространством парка культуры, которым, пожалуй, сопутствовали аналогичные подмены в советском обществе 30-х (героизм – доносом Павлика Морозова, дом – детдомом, Храм Христа Спасителя – Дворцом Советов, литература – соц-реализмом). Исходя из обстановки 30-х годов в стране советов, Платонов в пьесе *Голос отца* пытался дать критику пройденного пути в рамках диалога между сыном Яковом и голосом умершего отца. Идеалы отца 20-х годов, высказанные в ключе федоровского учения о регуляции природы, патрификации и бессмертии, в 30-е годы не выдерживают испытания, ибо сын Яков, разрушая родовое начало, становится не сыном отца, а сыном эпохи.

³⁵ Ср. в записной книжке Платонова за 1935 год описание Сталина-отца советского человека: «Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин – отец или старший брат всех, Сталин – родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца» (А. Платонов, *Записные книжки*, 157).